

Е. И. Колесникова

Формирование и реализация замысла очерка А. А. Блока «Последние дни императорской власти»

Статья посвящена этапам и деталям формирования замысла очерка А. А. Блока «Последние дни императорской власти» в рамках работы Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного Правительства, а также истории его публикации. Описываются противоречия между юридическими задачами ЧСК и историософскими представлениями Блока о крушении монархии. Цитаты из дневника и записных книжек показывают рефлексию Блока на свою деятельность в ЧСК, а также демонстрируют творческие интенции поэта. Описывается судьба произведения Блока после прерывания работы ЧСК. Рассматриваются две прижизненные публикации произведения под разными заглавиями. Дается характеристика двух наиболее интересных приложений ко второй редакции – письма к царю великого князя Александра Михайловича и записи совещания с А. Д. Протопоповым на квартире М. В. Родзянко. Делается вывод, что очерк Блока можно рассматривать как шаг к формированию жанра «литературы факта», который станет популярным в XX–XXI вв.

Ключевые слова: замысел, жанровые зарисовки, записные книжки, публикация, архивные документы, документальная литература.

Для цитирования: Колесникова Е. И. Формирование и реализация замысла очерка А. А. Блока «Последние дни императорской власти» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 32–47. DOI 10.35231/25419803_2023_2_32

В статье рассматривается история зарождения и реализации замысла исторического очерка А. А. Блока «Последние дни императорской власти». Поскольку содержательную основу составляют исторические факты в переломную эпоху, это произведение становилось объектом внимания в основном историков и юристов. Исследователями этих специальностей были сделаны важные наблюдения по уточнению содержания исторических событий и роли

отдельных политиков и правомерности принимаемых ими решений (А. Я. Аврех, Б. Д. Гальперина, Г. З. Иоффе, Б. Ф. Ливчак, Н. Пирумова и К. Шаццлло, Л. В. Черепнин и др.). В работе Б. Ф. Ливчак впервые приведены архивные документы ЧСК [12]. Практически все из названных исследователей учитывали вклад А. Блока в работу ЧСК как историка. Хотя при этом зачастую отмечалось, что именно «мастерство Блока-художника, органически сливаясь с его пронизательностью историка, позволяло ему воссоздать события» [12, с. 249].

Научное поле последующих лет заполняла историческая дискуссия о роли ЧСК. Так, начиная с 1920-х гг., установилось мнение, что комиссия не исполнила своей задачи, ее члены «много поработали для истории <...> но ничего не сделали для актуальной политической жизни 1917 г.» [20, с. 20]. Современный подход к деятельности ЧСК и, в частности, Блока обрел бóльший объем за счет вновь опубликованных документов [см.: 11; 17 и др.]. Большой источниковедческий вклад внесли работы Перегудовой, где представлены документы ЧСК не только из российских, но и зарубежных архивов.

Но исследований, отражающих влияние работы Блока в ЧСК на его художественное сознание, до сих пор очень мало. Изучению послереволюционной биографии и творчества поэта посвящена монография Е. В. Ивановой «Александр Блок: последние годы жизни» [11], где в отдельной главе рассмотрен этот этап биографии Блока, опубликованы новые архивные материалы. В монографии Д. М. Магомедовой «Комментируя Блока» [15] исследованы принципы включения в произведения поэта «чужого слова», что дает методологическую основу для характеристики принципов использования документов (в основном протоколов допросов заключенных) и устных свидетельств участников событий при создании очерка. Художественному потенциалу очерка – возможным жанровым формам и развитию сюжетных линий посвящена статья О. А. Кузнецовой «"Последние дни императорской власти" А. А. Блока: жанровая природа и авторское начало» [13].

Материалы и методы

В статье используются материалы из архива ИРЛИ РАН: первый вариант очерка под названием «Последние дни старо-

го режима» – автограф, гранки первой публикации в журнале «Былое» с правкой, авторизованная машинопись. В основе статьи лежит историко-литературный и биографический методы исследования. Актуальность предлагаемой статьи связана с необходимостью осмысления места очерка в творческой биографии Блока с учетом сохранившихся архивных документов в Пушкинском Доме, уточнения его жанровых особенностей. Научная новизна работы обусловлена систематизацией исторических изысканий, связанных с этапом служебной деятельности Блока в составе ЧСК и их проекцией на его художественное видение происходящего.

Результаты

Появление очерка обязано службе Блока в составе Чрезвычайной следственной комиссии (далее ЧСК) с 8 мая 1917 по январь 1918 года, где поэт редактировал стенограммы протоколов допросов. Предложение «*быть одним из редакторов (это значит, сидеть в Зимнем дворце и быть в курсе всех дел)*» [5, VIII, с. 481] было получено поэтом еще в марте во время отпуска с Западного фронта Первой мировой войны.

Подготовленные редакторами материалы должны были лечь в основу отчета Учредительному собранию по «расследованию противозаконных по должности действий» царского правительства [6, с. 2]. Это распоряжение содержалось в «Указе Временного Правительства правительствующему сенату» за подписями «Министра-Председателя кн. Львова и Министра юстиции А. Керенского» [6, с. 2] и было опубликовано сразу на следующий день после организации Чрезвычайной следственной комиссии, в том же номере, где были помещены манифесты об отречении Николая II и вел кн. Михаила Александровича.

ЧСК состояла из квалифицированных юристов, ученых, политиков. Впоследствии были привлечены писатели. Ко времени поступления Блока на службу, 25 апреля на Президиуме ЧСК было уже было принято решение «О подготовительной работе по изданию трудов Комиссии»: «в части “политического расследования”, так и в части, которая должна лечь в основание “криминальных выводов”»¹. То есть, замысел будущего произведения поэта диктовался производственным заданием.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 822. Л. 5–6 об.

Как свидетельствуют архивные документы, в своем докладе 25 мая 1917 г. председатель комиссии Н. К. Муравьев выступил с проектом концепции будущего отчета¹. Главное противоречие состояло в том, что комиссия носила судебно-следственный характер, а собранные документы давали картину общегосударственного кризиса. После продолжительного обсуждения было решено, что должно быть сформулировано как обвинительное заключение высшим сановникам, так и дана оценка всему монархическому строю в целом. Блок же полагал, что ему выпало видеть и слышать то, *«то, чего почти никто не видит и не слышит, что немногим приходится наблюдать раз в сто лет»* [5, VIII, с. 491], а потому предполагал другое воплощение собранных фактов: *«Будущий отчет он видел, скорее, как некий публицистический, эмоционально насыщенный документ, подчиненный не столько идее суда и возмездия, сколько постижению исторического опыта»* [11, с. 81].

Эта коллизия будет продолжаться в течение всего времени работы ЧСК, и на каждом этапе обсуждения Блок будет отстаивать свое видение содержания итогового текста. О том, насколько внимательно следил поэт за формированием плана отчета и как его оценивал, свидетельствуют заметки конца мая в записной книжке. Так, упомянутое заседание от 25 мая зафиксировано в тот же день: *«Обсуждение будущего отчета»* [2, с. 346], на следующий день, 26 мая, Блок уточнил: *«... Я был прав, не составив вчера плана»*. 28 мая упоминается о *«разных соображениях об издании стенографических отчетов»*. И далее: *«... соображения об издании стенографических отчетов»* [2, с. 350].

Пребывание Блока в ЧСК отразилось в его записных книжках и дневниках, содержательно распределившись по нескольким направлениям: наблюдение за окружающими людьми и происходящими событиями острым взглядом художника; редакция стенограмм, выработка совместно с комиссией плана будущего отчета; и собственно написание очерка. Блок участвовал в повседневной работе, редактируя стенограммы допросов, которые происходили в том числе в камерах заключенных. Поэт наблюдал быт, характеры коллег по комиссии, а также поведение арестованных, о чем регулярно

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 9. Л. 9–10 об.

им делались дневниковые записи в виде жанровых зарисовок и портретных характеристик:

28 мая. <...> Коммуна Зимнего дворца – чай с вареньем. Все усталые, и все тревожны все-таки. Замечательные рассказы Руднева о Распутине (специалист по «темным силам»), Распутин гулял в молодости; потом пошло покаянье и монастыри. Отсюда и стиль – псалтири много. Третий и последний период – закрутился с господами. Ни с императрицей, ни с Вырубовой он не жил. О Вырубовой – ужасные рассказы И. И. Манухина (солдаты; ее непричастность ни к чему; почему она «так» себя ведет...) [2, с. 350].

Подобные наблюдения закладывали основу нового художественно-документального жанра («литературы факта»), который станет популярным в XX–XXI вв. Но главным делом по-прежнему оставалось редактирование стенограмм, о чем также делались регулярные записи с мая по сентябрь.

20 июня 1917 г. Блок сделает пространные записи об отчете и отметит тот особый пафос, которым, по его мнению, должен быть пронизан будущий текст:

«Все эти дни я думал о заседании по поводу отчета <...> отчет должен быть проникнут революцией <...> отчет ее должен быть чрезвычайным. Он должен соединить в себе деловую точку зрения с революционным призывом. Отчет <...> должен быть проникнут весь, с начала до конца, русским революционным пафосом, который отражал бы в себе всю тревогу, все надежды и весь величавый романтизм наших дней» [2, с. 365].

Редакторская рутина шла своим чередом. К июню было готово более 2000 стенограмм, и они срочно готовились к изданию. В связи с этим, по настоянию Блока, были привлечены писатели и переводчики: Л. Я. Гуревич, М. П. Миклашевский (псевд. Неведомский) и В. Н. Княжнин (наст. фам. Ивойлов). Оформление материалов в отчетные формы требовало выработки документальной системы, чем комиссия долго и безуспешно занималась все первые месяцы, и на что Блок затратил немало сил и времени. Энтузиазм его постепенно угасал.

22 июня. «Бестолковое совещание с утра в Зимнем дворце. Завтра – опять. По-моему, ничего не выйдет» [5, VII, с. 267].
23 июня «На заседание я решил не идти. В нашей редакционной

комиссии революционный дух не присутствовал. Революция там не ночевала» [5, VII, с. 268].

28 июня было принято постановление о характере отчета ЧСК. Проект плана включал следующие разделы:

- I. Носители верховной власти. II. Безответственные силы, их влияние на носителей верховной власти. III. Ответственные лица (министры и т.д.). IV. Общая характеристика правительственной власти (верховная власть и министерства, общее отсутствие плана, правонарушения как система, провокация и т.п.). V. Борьба с народом: а) По общему управлению: 1. Борьба с Государственной Думой и Государственным Советом. 2. Борьба с общественным движением. 3. Борьба с печатью. 4. Борьба с общественными организациями. 5. Организация "черных сил" внутри страны (Союз русского народа). 6. Стремление к государственному перевороту, б) По отдельным министерствам: 1. Министерство юстиции. 2. Министерство внутренних дел, департамент полиции. 3. Главное управление по делам печати. VI. Война и правительство: 1. Общие замечания (Развал власти). 2. Министерство иностранных дел. 3. Военное министерство. 4. Министерство земледелия. VII. Революция и правительство. В. Общие итоги¹.

О бесконечном количестве заседаний, посвященных обсуждению этого плана-отчета, свидетельствуют дневниковые записи конца июня – начала июля: [5, VII, с. 270–272, 274–275]. Но несмотря на многочисленные обсуждения, план отчета так и не обрел точных очертаний. 6 июля Блок также отметит, что план все еще отсутствует, а мнений по-прежнему много. Одновременно с содержанием, Блок обдумывал способ и форму подачи будущего текста: «Мыслится русская речь, немногословная, спокойная, важная, веская, понятная... Такую речь поймет народ ...а популяризации – не поймет» [5, VII, с. 276].

Еще одним поводом для споров для ЧСК был юридический статус бывшего монарха: подлежит ли его деятельность расследованию? Часть радикально настроенных членов Комиссии настаивала на привлечении Николая II к суду. Им возражали консерваторы. Неясность была связана также и с этическими моментами. Рассматривался, например, вопрос об обыске царя. Но, как описывает бывший член ЧСК А. Ф. Романов, эта ситуация разрешилась его собственной инициативой: «Особенно ценный материал дала переписка

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 222. Л. 64.

Государя.левой частью комиссии был возбужден вопрос о производстве обыска у Государя. Остальные члены президиума самым решительным образом протестовали против такой меры и одержали верх. Между тем Муравьев, через революционного коменданта Царскосельского дворца на-мекнул Государю <...> о желательности в целях выяснения деятельности министров, получить всю имеющуюся у него переписку. Государь <...> собственноручно разложил все письма и документы в конверты, сделал на каждом из них надпись <...> и прислал все в Комиссию» [18, с. 8].

Вслед за этим комиссия размышляла о степени вторжения в частную жизнь подследственных: что из личных документов можно предавать огласке? По этому поводу Блок сделал запись 21 июля:

А. С. Тагер умно и жестоко говорит, что в целях (не только юридически) совершенно возможно печатать даже автобиографию, даже письма из перлюстрации. <...> Мы этого не сделаем; мой вывод, что мы поступим мягко и тактично, соответственно с политическим моментом, требующим, чтобы не возникали всё новые обвинения против нового режима... [5, VII, с. 285–286].

25 июля Блок отметит сразу две сложности будущего очерка. С одной стороны, ему надо было выработать способ введения «чужого текста», поскольку предстояло соединить множество мнений, высказываний, свидетельств. Здесь он склонялся к компромиссу. Несмотря на то, что Блок виртуозно владел различными способами обработки и введения в свои произведения «чужого слова» [15], но ему предстояло иметь дело с совершенно новым видом источников, выработать приемы включения различных документальных свидетельств в единый текст. Необходимо было определить жанрово-содержательные рамки («...или – большое исследование, исследование свободное, <...> пользующееся всем богатейшим матерьялом; или – доклад политический, сжатый, обходящий подробности во имя главной цели (обвинение против старого строя в целом)». В процессе письменных размышлений поэт делает выбор: «Я останавливаюсь <...> на последней форме» [5, VII, с. 287].

Блок по-прежнему предполагал охватить события масштабно-исторически, предлагая в отчете прежде все-

го осветить приговор всей монархии, а не отдельным лицам. Данный подход зафиксирован в "Протоколе стенографической подкомиссии № 1: "Это должна быть не историческая работа, но доклад, распадающийся на две части: 1) материалы по докладу и 2) доклад в тесном смысле этого слова", т.е. <...>"короткий сравнительно очерк, выявляющий то самое яркое в политическом отношении, что нашла комиссия"¹.

Но после назначения С. Ф. Ольденбурга² министром просвещения, в составлении предложил концепции отчета его заменил профессор истории Е. В. Тарле³, который, по словам Блока, предложил «серую, ничем не освещенную изнутри» программу [4, VII, с. 291], на самом деле – более академическую по форме, но идущую вразрез с предложениями Блока. В результате отчетный доклад решили разделить на криминально-судебную и политическую части. Один из недатированных вариантов более детализированного плана, составленного Тарле и записанный рукой Блока, опубликовала Е. В. Иванова [11, с. 81–82]. По ходу работы план продолжал меняться многократно.

О сложностях работы и невнятности ее цели свидетельствует запись: «...Чрезвычайная следственная комиссия изживает свой век...» [5, VIII, с. 7]. На этом психологическом фоне Блок получает задание написать свою часть отчета по плану, составленному Тарле: «1 августа. Заседание в Комиссии <...> Я, по-видимому, беру, кроме "Протопопова", "Последние дни старого режима"» [2, с. 241–241].

В августе 1917 г. Блок приступил к написанию очерка, который рассматривался как вводная часть будущего отчета Чрезвычайной комиссии. Продолжая развивать свою концепцию, «он доказывал, что уже имеющиеся в распоряжении комиссии материалы не укладываются в жесткие рамки собственно юридического рассмотрения, а оказываются неожиданно яркими с точки зрения бытовой, психологической, литературной, даже с точки зрения языка» [10, с. 359].

Помимо знакомства с документами ЧСК, Блок вел подборку из прессы, о чем свидетельствует запись от 3 августа 1917 г.: «Весь день составляю по газетам канву из известного

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–2.

² Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) – академик-востоковед, сотрудник ЧСК.

³ Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк, академик АН СССР.

политического матерьяла, для того чтобы расширять потом по ней узоры матерьялов, добытых Комиссией (сегодня и вчера вечером – с декабря до половины января 1917)» [2, с. 242]. В личном архиве поэта (ИРЛИ) имеются многочисленные вырезки из газет. Только за 1917 г. им были сохранены вырезки из таких изданий, как газета «Знамя труда», «Красная газета», «Народоправство», «Речь», «Российский гражданин», «Русская Воля», журнал «Красный милиционер и культура» и др. Медийно-публицистическая информация добавляла живые детали к документальным источникам и помогала ориентироваться в недавно происшедших событиях. Как автор официального отчета Блок был связан формальными рамками, которые продолжали уточняться, о чем свидетельствуют многочисленные августовские записи об их коллективных обсуждениях: «5 августа 1917. Заседание во дворце, из частей которого для меня стали немного выясняться контуры моей будущей работы. Вместе с тем, я чувствую величайшую ответственность, даже боюсь несколько» [2, с. 243–244]; 18 августа 1917: «Доклад председателю. Споры с секретарями <...> Программа моей главы» [2, с. 248]; 19 августа 1917: «Я передал Тарле программу своей главы и список намеченных допросов» [2, с. 248] и др.

Е. В. Иванова опубликовала записку Блока в ЧСК от 13 октября 1917 года, где перечислены 25 из 88 «стенографических отчетов допросов», которые Блок собирался использовать в своем сочинении, с припиской, на чьих показаниях будет строиться каждый сюжет [11, с. 83–84]. В Пушкинском Доме сохранился документ ЧСК от 2 ноября, в котором Блока просили завершить порученную ему работу к 1 декабря¹. Фактически Блок покинул ЧСК до ее распада. 7 сентября он сдал свои редакторско-стенографические дела В. Н. Княжнину, введенному в число редакторов ЧСК. После отстранения от власти Временного Правительства ее деятельность еще некоторое время продолжалась. Последний допрос состоялся 11 октября, последние заседания подкомиссии по составлению отчета – 14 и 17 октября. Но Блок в них уже не участвовал, что зафиксировано в материалах ЧСК². Официально его служба в ЧСК завершилась 10 ноября, но он продолжал и далее ра-

¹ ИРЛИ. 654. Оп. 5. Ед. хр. 27. Л. 14.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 22. Л. 30–31.

ботать над порученной ему частью отчета Комиссии Учредительному собранию, прекратившему существование в ночь с 6 на 7 января 1918 г. Работа непосредственно над текстом главы для отчета под названием «Последние дни старого режима» продолжалась с августа 1917 по апрель 1918 г. Текст перестал носить сугубо официально-деловой характер и отражал накопившиеся наблюдения и размышления поэта. «... Под его мастерским пером воскресают портреты царских министров и чиновников, образующих целую галерею ушедших, хотя и не погребенных мертвецов. <...> Картина разложения всей верховной клики, начиная с Царя, оставляет сильное и незабываемое впечатление» [19, с. 357].

Обсуждение и выводы

29 марта 1918 г. Блок зафиксировал: «*“Последние дни старого режима”* окончены вчерне» [2, с. 397]. Но работа продолжилась: «2 апреля 1918. *“Последние дни старого режима”*. Кое-что сделано» [2, с. 397]. 3 апреля 1918 года уже отправил ее в Академию наук С. Ф. Ольденбургу, возглавлявшему редакционную комиссию ЧСК: «Из Академии наук – две стенограммы (передать мои книги С. Ф. Ольденбургу и четыре стенограммы для хранения в Академии наук) и статья *“Последние дни старого режима”*, которую кончил сегодня» (3 апреля 1918. – Е. К.). После ознакомления академик Ольденбург вернул рукопись, с пожеланием: «...коснуться нескольких слов, нарушающих общий летописный тон» [2, с. 398–399]. Как видим, Ольденбург поддержал летописно-хроникальную манеру Блока и даже посоветовал не отступать от избранного стиля повествования.

Данные материалы хранятся в Пушкинском Доме, в папке из тонкого картона сиреневого цвета. Рукопись очерка с многослойной правкой, здесь же – печатные листы из ж. «Былое» с правкой и машинопись с правкой. На обложке – блоковская надпись, имеющая технический характер, но отражающая усилия поэта по завершению начатого произведения и фиксирующая движение рукописи:

1917–1918. Последние дни старого режима. (Рукопись – содержание + стр. 53+66+Приложения I–VII). Перепечатывать надо в 4х экземплярах. При переписывании надо все слова писать полностью. Новая строка, <где

неясно> отмечено знаком Л. Окончена и послана С. Ф. Ольденбургу 3. IV (21.III) 1918. Взята обратно для исправления по указ<аниям> С. Ф. О <льденбурга> 8. IV (большая часть красного карандаша к первой части). Вновь отдана – в переписку 19 (6) IV. Прислана из переписки 27 (14) IV. В статью (без приложений) + печ. листа (ок<оло> 162000 букв, считая типографские промежутки)¹.

Здесь же хранится пустая папка, переданная уже после смерти Блока, с надписью А. А. Кублицкой-Пиоттух: «В помещение Пушкинского Дома Российской Академии Наук. От Ал. Блока: просьба – приложить пакет к стенограммам Чрезвычайной Следственной Комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров (1917 года). Здесь находятся некоторые деловые документы и матерьялы для части Отчета Учредительному Собранию, могущие впоследствии представить некоторый интерес»².

М. А. Бекетова вспоминала об этом периоде, отмечая, что рукопись потеряла «первоначальное значение и осталась у него на руках, как исторический материал. Сдав работу и документы, он передал статью Щеголеву...» [1, с. 172]. П. Е. Щеголев, который параллельно с работой в ЧСК редактировал журнал «Былое», вызвался опубликовать очерк, о чем свидетельствует дневниковая запись Блока: «23 декабря 1918. Телефон от Щеголева. Сегодня или завтра придут за “Последними днями старого режима”» [2, с. 441]. Возможно, поэт не сразу определился с местом публикации очерка, поскольку дата завершения работы – 3 апреля 1918 г., а передача в редакцию произошла лишь 23 декабря [2, с. 441].

Выход журнала задержался на год, что до сих пор сказывается в обозначении исследователями даты публикации, поскольку на обложке журнала значится 1919 г. Но вот запись Блока от 8 октября 1920 г.: «Около 5-ти Щеголев принесет “Былое” (№ 14 и 15)...» [2, с. 504]. Вариант очерка, опубликованный в «Былом» [4], сохранял название, принятое ЧСК для VII раздела отчета Учредительному собранию: «Последние дни старого режима». Но на листах очерка из этого журнала,

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп.1. № 212. Л. 1.

² ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 55.

хранящихся в Пушкинском Доме¹, где велась правка для будущей книжной публикации, виден выбор заглавия: старое заглавие было зачеркнуто.

О несвоевременном выходе журнала свидетельствует также рецензия С. Я. Штрайха: «В новой, только что вышедшей после годичного перерыва книжке «Былого» есть много очень интересного материала. Открывается книжка большим содержательным очерком А. А. Блока о «Последних днях старого режима». Штрайх также отметил: «Умело использовать такой глубоко драматический материал, как документы о конвульсиях издыхающего царизма не всякому под силу. А. А. Блок <...> выбрал почти одно только типичное для характеристики отжившего строя, отверг все анекдотическое, все пестро глумящее, все бульварно-манящее». В рецензии Штрайха была высказана рекомендация «издать эту статью А. А. Блока отдельной книжкой как прекрасный очерк событий, вызвавших крушение императорской власти, написанный к тому очень просто и общедоступно» [21, с. 4].

В 1921 г. очерк вышел отдельной книгой в издательстве «Алконост» под названием «Последние дни императорской власти». В подзаголовке значилось: «По неизданным документам составил Александр Блок» [3]. Книга увидела свет незадолго до смерти поэта, однако он успел получить ее на руки, о чем свидетельствует подпись на корректуре: «Получ<ил> 17/XI-21». Этот экземпляр хранится в библиотеке поэта (Пушкинский Дом) под № 717.

В книгу издательства «Алконост» были включены шесть приложений. Ни одно из существующих собраний сочинений поэта эти приложения не публиковало. Сам очерк впервые был включен в восьмитомное собрание сочинений [5, VI].

Наиболее интересно первое приложение, которое содержит письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II. Неизвестно, был ли Блок знаком с подлинником этого документа, хранящегося сейчас в ГАФР, представляющего собой машинопись с правкой и автографом Николая II². В материалах, переданных Блоком в Пушкинский Дом, – машинописная копия письма. По всей видимости, публикацию письма

¹ ИРЛИ. Ед. № 212. Л. 122–145 об.

² ГАФР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1143. Л. 80–85 (Авторизованная машинопись).

Блок произвел именно с этой копии, о чем свидетельствует запись, ее заверяющая: «С подлинником верно. Подпись»¹, а также характерные отличия копии от подлинника (разница в знаках препинания, написании строчных и заглавных букв и пр.), перенесенные в текст книги.

С точки зрения характеристики медийной обстановки в стране, интересно пятое приложение, содержащее псевдостенограмму заседания на квартире Родзянко, сделанную П. Н. Милюковым (1859–1943) в 1916 г. Сюжет направлен на описание неадекватного поведения министра внутренних дел А. Д. Протопопова (1866–1918). Запись сделана постфактум, по памяти, но имела огромный резонанс. Она разошлась в устных пересказах и письменных копиях, упоминалась в прессе, многочисленных воспоминаниях, например, Милюкова [16], экземпляр машинописи имеется в фонде Родзянко² (эта запись отмечена в также в протоколе его допроса [22, с. 145–146]), также следы памятного заседания на дому у Родзянко можно обнаружить в архиве Андрея Белого³. Упоминание «стенограммы “чашки чая”» встречаем в воспоминаниях З. Н. Гиппиус от 29 октября 1916 г. [8, с. 307], также в ее дневнике [9, с. 431]. Имелся экземпляр и в распоряжении ЧСК. Казалось бы, вольное изложение незначительного события стало объектом внимания стольких лиц. Вероятно, для Блока важно было включением этого текста отразить ту неформальную информационную обстановку в обществе, которая закольцовывала сюжет, открывающийся метафорой «болезни», поразившей тело России, «которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции» [3, с. 7]. Т.е. начальный и конечный элементы кольцевой композиции, демонстрирующие авторский взгляд на эпоху, лишены документальности и развернуты в сторону художественно-публицистического повествования. Как справедливо заметила О. А. Кузнецова, «перед Блоком стояла непростая задача – облечь документальный материал живого, еще не завершившегося исторического процесса в соответствующую жанровую форму. Ему удалось создать сложное полифоническое по-

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп.1. № 212. Л. 152.

² ГАРФ. Ф. 605. Оп. 1. Ед. хр. 127.

³ НИОР РГБ. Ф. 25. К. 33. Ед. хр. 18.

лотно, где звучат голоса участников и свидетелей последних дней императорской власти. Поэт выступает здесь дирижером оркестра, предоставляя то одному, то другому исполнителю право на сольную партию» [13, с. 108].

Таким образом, служебное пребывание Блока в составе ЧСК дало возможность наблюдать за поведением высших чиновников и приближенных к царской семье; обеспечило доступ к массиву документов эпохи; заставило поэтапно отстаивать свое видение происходящего и формы его письменного воплощения. Обращение к очерку «Последние дни императорской власти» позволяет уточнить несколько важных аспектов: увидеть глазами современника исторические детали на переломном этапе; дополнить принципы введения в документально-публицистический текст «чужого слова»; выявить отношение Блока к происходившим событиям. Важным представляется опыт поэта в соединении документального материала с художественно-обобщенным отражением переломной эпохи. Подобный подход давал выход последующей литературе к жанру «литературы факта», соединяющему историческую подлинность с субъективными эмоциональными оценками.

Список литературы

1. Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. – М.: Правда, 1990. – 672 с.
2. Блок А. Записные книжки, 1901–1920. – М.: Худож. лит., 1965. – 664 с.
3. Блок А. А. Последние дни Императорской власти. По неизданным документам сост. Александр Блок. – Пг.: Алконост, 1921. – 168 с.
4. Блок А. А. Последние дни старого режима // Былое. – 1920 (1919). – № 15. – С. 3–50.
5. Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В. Н. Орлова [и др.]. – М.; Л.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1960–1963.
6. Вестник Временного правительства. – 1917. – № 5.
7. Гальперина Б. Д. Аполлон в плену у Клио: О работе Блока в Чрезвычайной следственной комиссии // Аврора. – 1970. – № 11. – С. 59–64.
8. Гиппиус. З. Н. Стихотворения; Живые лица. – М.: Худож. лит., 1991. – 470 с.
9. Гиппиус З. Н. Дневники: В 2 кн. – М.: Интелвак, 1999.
10. Емельянов Ю. Н. Поэт Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия 1917 г. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова: сборник статей / отв. ред. Н. М. Рогожин. – М., 2012. – С. 344–365.
11. Иванова Е. В. С. Александр Блок: последние годы жизни. – СПб.: Росток, 2012. – 604 с.
12. Иоффе Г. Александр Блок как историк падения монархии (К 90-летию Февральской революции) // Новый журнал (Нью-Йорк). – 2007. – № 246. – С. 234–252.
13. Кузнецова О. А. «Последние дни императорской власти» А. А. Блока: жанровая природа и авторское начало // Русская литература. – 2020. – № 4. – С. 100–108.

14. Ливчак Б. Ф. Чрезвычайная следственная комиссия глазами А. Блока // Вопросы истории. – 1977. – № 2. – С. 111–123.
15. Магомедова Д. М. Комментируя Блока. – М.: РГГУ, 2004. – 112 с.
16. Миллюков П. Н. Воспоминания. В 2-х т. – М.: Политиздат, 1990. – Т. 2. – 528 с.
17. Перегудова З. И. Деятельность комиссий Временного правительства и советских архивов по раскрытию секретной агентуры царской охранки // Отечественные архивы. – 1998. – № 5. – С. 10–22.
18. Романов А. Ф. Император Николай II и его правительство // Русская летопись. – 1922. – Кн. 2. – С. 1–38.
19. Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. – М.: Мысль, 1968. – 383 с.
20. Черновский А. Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. – 444 с.
21. [Штрайх] С. Я. [Рецензия] // Жизнь искусства. – 1920. – № 574. – 5 октября. – С. 4.
22. Щеголев П. Е. Падение царского режима. В. 7 т. – Л.: Гос. изд-во, 1927. – Т. 7. – 481 с.

Elena I. Kolesnikova

Formation and Implementation of the Plan of A. A. Blok's Essay "The Last Days of Imperial Power"

The article is devoted to the stages and details of the formation of the plan, as well as the history of the publication of the essay by A. A. Blok "The Last Days of Imperial Power." The contradictions between the legal tasks of the Extraordinary Commission of Inquiry and the historiosophical ideas of the Bloc on the collapse of the monarchy are described. The poet's reflections in the diary and notebooks as a reflection of the main directions of the CHSK's work. Blok's essay as a first step toward shaping the genre of "fact literature." The article is based on the materials of the IRLI RAS – the first version of the essay entitled "The Last Days of the Old Regime" – autograph, proofreading of the first publication in the journal "Past" with editing, authorized typewriter IRLI; materials of the State Archive of the Russian Federation. It is concluded that Blok's essay can be considered as a step towards the formation of the genre of "fact literature," which will become popular in the 20th-21st centuries.

Key words: plan, genre sketches, editing interrogation protocols, notebooks, publication, archival documents.

For citation: Kolesnikova, E. I. (2023) Formirovanie i realizaciya zamysla ocherka A. A. Bloka "Poslednie dni imperatorskoj vlasti" [Formation and implementation of the plan of A. A. Blok's essay "The Last Days of Imperial Power"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 32–47. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_32

References

1. Beketova, M. A. (1990) *Vospominaniya ob Aleksandre Bloke* [Memories of Alexander Blok]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).
2. Blok, A. (1965) *Zapisnye knizhki, 1901–1920* [Notebooks, 1901–1920]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russian).
3. Blok, A. A. (1921) *Poslednie dni Imperatorskoj vlasti. Po neizdannym dokumentam sost. Aleksandr Blok* [The Last Days of Imperial Power. According to unpublished documents comp. Alexander Blok]. Petrograd: Alkonost Publ. (In Russian).

4. Blok, A. A. (1920) *Poslednie dni starogo rezhima* [The Last Days of the Old Regime] *Byloe – Past*. No. 15. Pp. 3–50. (In Russian).
5. Blok, A. A. (1960–1963) *Sobranie sochinenij: V 8 t. Pod obshch. red. V. N. Orlova* [Collected works: In 8 vols.; general. ed. V. N. Orlov]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat [Leningr. otd-nie] Publ. (In Russian).
6. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva* (1917) [Bulletin of the Provisional Government]. No. 5. (In Russian)
7. Gal'perina, B. D. (1970) *Apollon v plenu u Klio: O rabote Bloka v CHrezvychajnoj sledstvennoj komissii* [Apollo Captured by Clío: On Blok's Work in the Extraordinary Commission of Inquiry]. *Aurora – Aurora*. No. 11. Pp. 59–64. (In Russian).
8. Gippius, Z. N. (1991) *Stihotvoreniya; ZHivye lica* [Poems; Live faces]. Moscow: Hudozh. lit. Publ. (In Russian).
9. Gippius, Z. N. (1999) *Dnevnik: V 2 kn.* [Diaries: In 2 books]. Moscow: Intelvak Publ. (In Russian).
10. Emel'yanov, Yu. N. (2012) *Poet Aleksandr Blok i CHrezvychajnaya sledstvennaya komissiya 1917 g.* [Poet Alexander Blok and the Extraordinary Investigative Commission of 1917] *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.). K 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN V. I. Buganova: sbornik statej / otv. red. N. M. Rogozhin* [Research on the source study of the history of Russia (until 1917). On the occasion of the 80th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V. I. Buganova: collection of articles / ed. N. M. Rogozhin]. Moscow. Pp. 344–365. (In Russian).
11. Ivanova, E. V. (2012) *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni* [Alexander Blok: the last years of life]. St. Petersburg; Rostok Publ. (In Russian).
12. Ioffe, G. (2007) *Aleksandr Blok kak istorik padeniya monarhii (K 90-letiyu Fevral'skoj revolyucii)* [Alexander Blok as a historian of the fall of the monarchy (On the 90th anniversary of the February Revolution)] *Novyy zhurnal (N'yu-Jork) – New Journal (New York)*. No. 246. Pp. 234–252. (In Russian).
13. Kuznecova, O. A. (2020) «*Poslednie dni imperatorskoj vlasti*» A. A. Bloka: *zhanrovaya priroda i avtorskoe nachalo* [“The Last Days of Imperial Power” by A. A. Blok: genre nature and the author's beginning] *Russkaya literature – Russian Literature*. No. 4. Pp. 100–108. (In Russian).
14. Livchak, B. F. (1977) *CHrezvychajnaya sledstvennaya komissiya glazami A. Bloka* [Extraordinary Commission of Inquiry through the eyes of A. Blok] *Voprosy istorii – Questions of history*. No. 2. Pp. 111–123. (In Russian).
15. Magomedova, D. M. (2004) *Kommentiruya Bloka* [Commenting on Blok]. Moscow: RGGU Publ. (In Russian).
16. Milyukov, P. N. (1990) *Vospominaniya. V 2-h t.* [Memories. In 2 vols.]. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian).
17. Peregodova, Z. I. (1998) *Deyatel'nost' komissij Vremennogo pravitel'stva i sovetskikh arhivov po raskrytiyu sekretnoj agenturycarskoj ohranki* [Activities of the commissions of the Provisional Government and Soviet archives to disclose the secret agents of the tsarist secret police] *Otechestvennye arhivy – Domestic archives*. No. 5. Pp. 10–22. (In Russian).
18. Romanov, A. F. (1922) *Imperator Nikolaj II i ego pravitel'stvo* [Emperor Nicholas II and his] *Russkaya letopis'. Government – Russian chronicle*. Kn. 2. Pp. 1–38. (In Russian).
19. CHerepnin, L. V. (1968) *Istoricheskie vzglyady klassikov russkoj literatury* [Historical views of the classics of Russian literature]. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian).
20. CHernovsky, A. (1929) *Soyuz russkogo naroda: Po materialam CHrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva 1917 g.* [Union of the Russian people: Based on the materials of the Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government of 1917]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russian).
21. [SHtrajh] S. YA. [Review] (1920) *ZHizn' iskusstva – Life of art*. No. 574. 5 oktyabrya. P. 4. (In Russian).
22. SHCHegolev, P. E. (1927) *Padenie carskogo rezhima* / ed. P. E. SHCHegolev. V 7 t. [The fall of the tsarist regime. In 7 volumes.]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russian).

дата получения: 20.02.2023 г.
дата принятия: 04.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 20 February 2023
date of acceptance: 04 March 2023
date of publication: 30 June 2023